

Галина Фатьянова

...Он сделал мне предложение через три дня после нашей первой встречи, а через две недели мы уже были мужем и женой. Это был 1946 год, он только что демобилизовался. Его призвали на действительную военную службу еще в 1939-м. В 1940 году в Орле организовали ансамбль военного округа, куда стали собирать талантливую молодежь. Привлекли и Фатьянова, и он очень хорошо зарекомендовал себя — составлял программы, был ведущим. Он ведь закончил театральное училище, работал в Театре Красной Армии, и первые его гастроли прошли на Дальнем Востоке, где он и познакомился с Долматовским. В 1942 году он попал в Чкалов, где жил в эвакуации Василий Павлович Соловьев-Седой. Они познакомились, и первыми песнями, которые принес ему Фатьянов, были «На солнечной поляночке» и «Ничего не говорила». Потом Фатьянов снова уехал на фронт, а Соловьев-Седой стал хлопотать о нем как о талантливом поэте, ему понравились его стихи. В результате Фатьянов стал служить в ансамбле Александрова, примерно с 1943-го по 1944 год. В 1944 году произошла история, о которой мне не хотелось бы говорить, некоторые ее участники еще живы. Она никак не была связана с политикой, а скажем так, с молодостью Алексея Ивановича. Но в результате он оказался в штрафном батальоне. В нем он и заканчивал войну,

доме, где жил его отец. При въезде в город стоит обелиск, где есть имя и Алексея Ивановича. Там ведь еще родился и дважды Герой Советского Союза Валерий Кубасов. И вообще примерно на 100 тыс. жителей в Вязниках 22 Героя Советского Союза. Среди малых российских городов Вязники в этом отношении на первом месте.

...Алексей Иванович был человек бескорыстный и очень творческий. Когда мы поженились, он сказал мне: «Учти, у меня ничего нет, кроме пишущей машинки с немецким шрифтом. Вот на ней и будешь спать». У него действительно ничего не было. На свадьбе он был в чужом костюме, хотя уже написал к тому времени весь «веночек» своих лучших песен. Но я была «генеральская дочь», генералом был мой отчим. Свадьба наша была в гостинице «Москва», на 7-м этаже. В те годы были так называемые «лимитные книжки», они давали в ресторанах пятидесятипроцентную скидку. У моего отчима были друзья-генералы, и мы собрали все лимитные книжки, как научил нас директор ресторана. Жилья у Алексея Ивановича тоже фактически не было, он был прописан на Ново-Басманной, дом 10, с 1935-го по 1948 год жил там, у сестры. В 1939-м ушел в армию, был на гастролях, учился, воевал. Женившись, он прописался у меня, чтобы нам хоть что-нибудь дали из жилплощади. В 1950-м мы получили двухкомнатную квартиру без ванной, с

обозвали «поэтом кабацкой меланхолии», то есть подвели под ту же статью, что и Есенина. И Фатьянов «горел ярким пламенем» всю свою жизнь. Соловьев-Седой получает Сталинские премии, Ленинские премии, в том числе и за песни на стихи Фатьянова, а Фатьянову — ничего, даже спасибо не говорят. Он жутко переживал и умер, обиженный до невозможности, без всякого официального признания. При жизни вышла только одна маленькая его книжка в 1955 году, на его родине во Владимире, где он вел литературные семинары, с предисловием Льва Ошанина.

И ему все завидовали, ведь его песни пели все. И он гордился: «Все меня знают...» Я ему отвечала: «Алеша, не льсти себе. Народ у нас немного неблагодарный. Песни будут петь, может быть, вспомнят, из какого фильма, может быть, вспомнят, кто поет, в крайнем случае — вспомнят композитора, но никогда — поэта...» А он всегда был очень обижен на определение «песенник», говорил: «Я никакой не песенник, я поэт...»

А ведь в том, в 1959-м году, когда Алеша умер, мы немножко дружили с Твардовским. Твардовский часто к нам заходил. По всякому — и выпить, и опохмелиться... И были разговоры о литературе, об отношении к разным поэтам. И Твардовский тоже завидовал Алеше, я помню, как Фатьянов сидел и доказывал ему: «Саша, ты же гениальный поэт! А я... Пусть песни мои поют, но учти, я не знаю, где меня похоро-

Имена

Тогда я говорю: «Мы поедем в Коктебель "диким" образом, поселимся возле Дома творчества и все равно будем продолжать разлагать ваших писателей». Вот такая жизненная чушь сопровождала его постоянно. А Твардовский ему завидовал, Сурков ему завидовал, Исаковский ему завидовал. Даже когда его выдвигали на премию посмертно, то прозвучало такое: «Если мы будем давать все премии покойникам, то не останется для живых».

Он много ездил, был одним из самых «читающих» поэтов, читал прекрасно — он же был актером. И был очень музыкален. У него не было профессионального музыкального образования, но, начав писать стихи для песни, он уже их напевал, складывал мотив, мелодия была у него почти готова. И этого никто не отрицал — ни Мокроусов, ни Соловьев-Седой, ни Кац, ни Лепин — все композиторы, с которыми он работал. Были, конечно, случаи, когда он писал под «рыбу», кото-

Алексей Иванович Фатьянов скончался в 1959 году, прожив всего 40 лет. Он жил и писал в самые невозможные для этого годы. Но, перелистывая сейчас старые песенники, не находишь в стихах Фатьянова конъюнктурных строчек. И, помня многие из его песен, не все знают, что именно Фатьянов написал «Соловьи», «В городском саду», «Хвастать, милая, не стану», «Когда весна придет»...

Его обозвали «поэтом кабацкой меланхолии»

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

был ранен, получил медаль «За отвагу».

...В городе Вязники Владимирской области, на доме Меньшова, деда Фатьянова по материнской линии, где родился Алексей Иванович, есть теперь мемориальная доска. Его отец был богатым человеком, он жил в самом большом доме города, на площади. Его дело называлось «Торговый дом Фатьянова». В этом доме был магазин обуви, пивной бар. Во дворе была мастерская, где вяляли обувь. Пиво они сами не варили, а привозили бочками и разливали. Между прочим, в этом же доме был кинотеатр. Когда началась революция, Ивана Николаевича Фатьянова, конечно, раскулачили и с семьей выптали из этого дома, и они переехали в дом Меньшовых, родителей матери Алексея Ивановича. Сам Иван Фатьянов и его семья не пострадали, а вот его родственники, жившие во Мстере, все были высланы в Магнитогорск. Потом, когда начался нэп, дом Ивану Фатьянову вернули, он возобновил торговлю и стал вялеть сапоги уже для Красной Армии. В 1935 году, когда нэп закончился, Фатьяновы все продали и уехали в Москву. Там они снимали комнату в Лошиноостровской — отец Алексея Ивановича, мать, старшая сестра и он сам. В семье Фатьяновых было пятеро детей. Старший брат Алексея Ивановича, Николай, был старшим скаутом России, потом вместе с Подвойским подписывал декларацию о переводе скаутского движения в пионерское. Он умер в 1923 году, в 22 года, простудившись на пионерском костре, от стрептококковой ангины.

Ту часть архива Алексея Ивановича, которая, не попав в ЦГАЛИ, его кабинет, пишущую машинку, фотографии, я отдала в краеведческий музей города Владимира, и там сделали постоянную экспозицию. Потом музей был закрыт на ремонт, затем переехал в собор. Теперь собор у них отобрали, но вернули дом, который принадлежал Ивану Фатьянову, но на ремонт нужно самое меньшее 200 миллионов рублей, так что постоянной экспозиции там сейчас нет. В этом доме до 1993 года была телефонная станция, многое там было, конечно, сломано: выносные балкончики, крытый двор. Но дирекция музея взяла «первичные» чертежи этого дома и собирается его восстанавливать в первоначальном виде. Смета все растет и растет. В 1988 году я отдала им весь тираж книги об Алексее Ивановиче, 50 тыс. экземпляров, чтобы доходы пошли на реставрацию музея. Но они не продали весь тираж сразу, а потом эти деньги превратились в ничто.

В Вязниках есть школа имени Фатьянова, улица Фатьянова, две мемориальные доски его памяти — на доме, где он родился, и на

дровяным отоплением, правда, она занимала весь третий этаж. Мы были счастливы, потому что с 1946-го по 1950-й скитались по углам, а у нас было уже двое детей. Он очень хотел назвать нашу дочку Аленой. Я ему говорила, что нет такого имени, а есть Елена, а если он хочет назвать Аленой, то пусть идет в ЗАГС и регистрирует ее сам. Он набрал полные карманы конфет, пошел и зарегистрировал. А с нашим сыном Никитой произошло вот что. У Соловьева-Седого была толстая дочка Наташа, и у нее детей не было. А ему почему-то очень нравилось имя Глеб. И когда у нас родился мальчишка, Василий Павлович прислал телеграмму: «Поздравляю, назовите Глебом, плачу тысячу». А Фатьянов ему телеграфирует в ответ: «Тысячу беру. Называю Никитой».

Он мне говорил: «В доме должны быть столы, лапти и лавки. А детей — сколько получится. А если сделаешь аборт, значит — не от меня...»

В этой квартире мы прожили с 1950-го по 1959-й, до смерти Алексея Ивановича. Сейчас в этом доме милиция, и я все боюсь, чтобы на нем была мемориальная доска. Документы находятся в Министерстве культуры, сейчас дошли уже до российской Думы. Ждем ответа от Ивана Рыбкина. Родина Алексея Ивановича сделала все для его памяти, Орел, где он служил — тоже. А Москва молчит, как-будто бы Фатьянов какой-нибудь «поэт местного значения», а ведь песни его поют до сих пор.

...Ему ужасно не повезло. Первое постановление ЦК 1946 года было по опере Мурадели «Великая дружба», потом — по второй серии фильма «Большая жизнь». А Фатьянов написал для нее песню «Три года ты мне снился», которую исполнил Марк Бернес. Он еще говорил Фатьянову: «Что ты мне подсунил?» Фатьянова

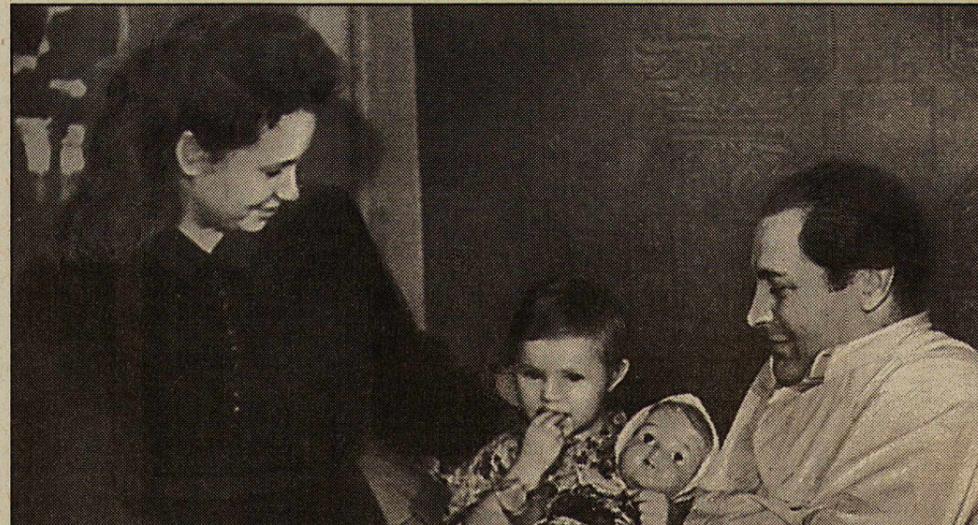
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ И ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА (В ЦЕНТРЕ) С РОДСТВЕННИЦАМИ. СНИМОК НЕИЗВЕСТНОГО ФОТОГРАФА, РАБОТАЮЩЕГО НА БАЗАРЕ Г. ВЯЗНИКИ В 1946 ГОДУ. (ИЗ АРХИВА Г. Н. ФАТЬЯНОВОЙ)

и вообще, что со мной будет». А Твардовский говорил: «Я останусь своей фамилией, в лучшем случае — названием поэм». «Но ведь у тебя же есть и песни». «Какие там песни, кто их поет, о чем ты говоришь...» И когда Алеша умер, то Твардовский пришел и говорит: «Чем я могу помочь?» А тогда над Фатьяновым висело еще одно недоразумение. Алексей Иванович и еще один писатель поехали в Севастополь, к морякам. Съездили в одну часть, в другую, в третью, и вот в день, когда ему надо было уезжать, устравивается еще один вечер. Он прочитал свои стихи и говорит: «Ребята, я готов почитать еще, но я уже уезжаю». Так начальник дома культуры, политработник, сочинил «телегу» про «фамилярное отношение» и «неуважение». А они приехали в эту часть катером, ну, конечно, немного «приняли». И Фатьянова исключили из Союза писателей, но не совсем, а на три месяца. Это с ним уже было несколько раз. Тогда так делали — исключали на три месяца, на полгода, а потом опять восстанавливали. Как-то раз он нарушил порядок в гостинице. Сидели ночью в «Савое», туда к Табачникову приехали какие-то друзья, так они там все вместе пели. Дежурная предупреждает раз, другой. А он ей говорит: «Я — Фатьянов». И назвался депутатом Верховного Совета, неприкосновенной личностью. Стали проверять, а он — не депутат. Создали «персональное дело» за то, что он сам себе присвоил звание депутата. Я прихожу в Литфонд, получать путевки в Коктебель. А мне говорят: «Персональное дело, Фатьянову путевку давать запрещено. Из-за того, что он якобы разлагает писателей».

рую они ему давали, но это, как говорится, дело техническое, так все делается.

...У него была гипертоническая болезнь, сопровождавшая его всю жизнь. И его, в принципе, загубили. Мы жили в Киевского вокзала, и он очень любил прокатиться на пароходике до парка культуры и обратно. И за месяц до смерти приходит с прогулки, а его просто качает. И говорит: «Мне плохо, лечи меня». Потом он заснул, утром просыпается, а с него — просто холодный пот. Вызвали «скорую», врач приехал, посмотрел, послушал и выписал валидол, нитроглицерин. А ровно через месяц я с утра пошла по делам, прихожу — стоит наша домработница Таня с безумными глазами и меня не узнает: «Вы Галину Николаевну не видели?» «Таня, это же я». «Хозяин умирает. Я ему говорю, что сбегаю за вами, а он: «Не беги, уже поздно». Он был уже без сознания, и когда приехала, минут через десять, «скорая помощь», то врач сказал: «К сожалению, даже если бы мы стояли рядом, ничего бы не могли сделать, смерть была практически мгновенной». Его забрали, а потом мне звонит патологоанатом и просит прийти. «Почему от него пахнет нитроглицерином?» «Потому что ты выписала». «Это вопиюще, мы будем говорить об этом на врачебной конференции. У человека сердце не может быть больше 320 граммов, а у него — 670. Это можно было определить простым простукиванием. И все расширяющие средства были ему противопоказаны. Он, может быть, прожил бы еще лет десять. А так как он был человек, видно, широкий...»

Беседовал Сергей ФОМИН

СЕМЬЯ ФАТЬЯНОВЫХ. ФОТО НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ. (ИЗ АРХИВА Г. Н. ФАТЬЯНОВОЙ)